Боязнь чужого взгляда.

Акад. В. М. Бехтерева.

Недавно въ статьѣ «La phobie du regard» [1]) д-ръ *Hartenberg* описалъ, какъ особую форму патологическаго страха, боязнь посторонняго взгляда (le regard d'autrui), развивающуюся на почвѣ прирожденной робости. Разсматриваемое состояніе въ научной литературѣ не представляется новымъ, такъ какъ было уже однажды мною описано нѣсколько лѣтъ тому назадъ, хотя объ этихъ моихъ наблюденіяхъ авторъ въ приводимой работѣ не упоминаетъ ни однимъ словомъ *).

Въ 1899 г. я описалъ случай «Навязчивой улыбки», въ которомъ обнаруживалась въ ясной формѣ и непереносимость или боязнь чужого взгляда [2]). Въ приведенной мною запискѣ больного объ этомъ состояніи говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Предъ выходомъ изъ духовной Академіи я сталъ заниматься своимъ здоровьемъ и читать по этому предмету нѣкоторыя руководства. Изъ нихъ я узналъ, что онанистъ рано или поздно сойдетъ съ ума, вслѣдствіе своего прирожденнаго характера и душевныхъ задатковъ (кажется, у проф. *Тарновскаго*). Эта мысль очень меня поразила, стала безпокоить и часто приходить на память. Съ поступленіемъ на службу застѣнчивость моя начала малу по малу увеличиваться. Желаніе скрывать свое болѣзненное состояніе и физическое и нравственное безобразіе породило стремленіе къ уединенію и боязнь обнаруженія того, что такъ тщательно я скрывалъ отъ другихъ. Вслѣдствіе этого, появилось

*) Только-что указанныя мои наблюденія остались, повидимому, неизвѣстными и референту «Русскаго Врача» помѣстившему въ № 50 за 1904 г. стр. 1705 краткое изложеніе работы д-ра *Hartenberg*'а.

мрачное угнетенное состояніе духа, которое никогда не покидало меня. Застѣнчивость и боязливость увеличились настолько, что *я не могъ выносить чужого взгляда*, вслѣдствіе чего сталъ носить черные очки».

Въ этой статьѣ я ограничился только приведеннымъ указаніемъ въ исторіи болѣзни, но въ слѣдующемъ 1900 г. въ «Обозрѣніи психіатріи, неврологіи и экспериментальной психологіи» (стр. 491) въ особой статьѣ подъ заглавіемъ «Непереносливость или боязнь чужого взгляда» я спеціально остановился на этихъ состояніяхъ и описалъ на 3-хъ новыхъ случаяхъ особое нервное пораженіе, которое характеризуется «совершенно своеобразною непереносливостью чужого взгляда, выражающейся тѣмъ, что такого рода больные не могутъ даже въ теченіи непродолжительнаго времени выдерживать взглядъ посторонняго человѣка и потому всѣми способами избѣгаютъ встрѣчи взглядовъ. Если Вы съ ними бесѣдуете, смотря имъ въ лицо, они тотчасъ-же отворачиваютъ глаза въ сторону. Если Вы имъ глядите прямо въ лицо, они тотчасъ-же потупляютъ свой взоръ и чувствуютъ себя вообще крайне неловко». Особенностью болѣзненнаго состоянія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, является то обстоятельство, что оно сознается самими больными, при чемъ въ однихъ случаяхъ больные избѣгаютъ чужого взгляда, полагая, что ихъ глаза обнаруживаютъ ихъ ненормальное состояніе и что послѣднее можетъ быть узнано по ихъ взгляду, въ другихъ-же случаяхъ больные испытываютъ на себѣ какъ-бы магнетическое вліяніе чужого взгляда и потому избѣгаютъ его инстинктивно. Это состояніе было описано мною также и на нѣмецкомъ языкѣ въ статьѣ: «Die Scheu vor fremdem Blicke» [3]). Съ тѣхъ поръ вышеуказанное состояніе было неоднократно предметомъ моихъ демонстрацій на лекціяхъ, читаемыхъ мною студентамъ В.-Медицинской Академіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ было демонстрировано мною на послѣднемъ Пироговскомъ Съѣздѣ въ Петербургѣ 6-го января 1904 г. членамъ Отдѣла нервныхъ и душевныхъ болѣзней [4]).

Вообще со времени описанія первыхъ моихъ случаевъ «боязни чужого взгляда» мнѣ неоднократно прихо-

дилось наблюдать подобныя-же болѣзненныя состоянія, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ и въ 1-мъ моемъ наблюденіи (сочетаніе съ навязчивой улыбкой), боязнь чужого взгляда обнаруживалась въ сочетаніи съ другими психопатическими состояніями, напр. съ боязнью покраснѣть или съ психопатическимъ затрудненіемъ мочеиспусканія, въ остальныхъ-же случаяхъ боязнь чужого взгляда наблюдалась въ чистой неосложненной формѣ, служа предметомъ тягостныхъ мученій для больныхъ. Изъ ряда своихъ позднѣйшихъ наблюденій я приведу здѣсь лишь тѣ, которыя могли быть мною болѣе подробно обслѣдованы. Прежде всего остановлюсь на слѣдующемъ случаѣ, представляющемъ собою сочетаніе боязни покраснѣть съ боязнью чужого взгляда.

А. В., 21 г., бывшій воспитанникъ реальнаго училища. Бабушка его по матери страдала 5 лѣтъ параличемъ и умерла 73-хъ лѣтъ. Отецъ умеръ отъ апоплексіи 42-хъ лѣтъ. Мать въ это время была беременна описываемымъ больнымъ, и смерть мужа причинила ей большое горе. У матери до этой беременности былъ 1 выкидышъ. Она жива и здорова. Роды были своевременные, трудные, но все-же обошлись безъ особыхъ оперативныхъ акушерскихъ пособій. Физически и психически мальчикъ развивался вначалѣ правильно. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ перенесъ корь и коклюшъ; послѣ кори 2 недѣли болѣло правое ухо, что сопровождалось лихорадочнымъ состояніемъ. Послѣ того никакими соматическими болѣзнями не страдалъ. Въ возрастѣ 4—10 лѣтъ отличался пугливостью, раздражительностью и, будучи единственнымъ сыномъ у матери, казался нѣсколько избалованнымъ. Въ школьномъ возрастѣ отличался слабохарактерностью, скрытностью, нѣкоторою вялостью, непредпріимчивостью, неувѣренностью въ себѣ. Съ 14—15-лѣтняго возраста сталъ обнаруживать мечтательность, наклонность къ уединенію и избѣгалъ общества вслѣдствіе развившейся боязни покраснѣть. Припадки этого заболѣванія развивались и усиливались постепенно и не считались матерью, при которой жилъ больной, за явленія болѣзненныя. Онъ самъ объяснялъ свою замкнутость и нелюдимость необходимостью заниматься химіей, къ которой сталъ обнаруживать не въ мѣру большое пристрастіе. До осени 1900 г. учился вообще посредственно и былъ нѣсколько лѣнивъ къ занятіямъ школьными предметами. Въ это время память явно преобладала надъ волей и разсудкомъ. Осенью 1902 г., провалившись на экзаменѣ, признался матери, что страдаетъ боязнью людей и не переноситъ ихъ взгляда уже 2 года. Въ это время у него проявилось сильное нервное воз-

бужденіе, выразившееся намѣреніемъ покончить съ собой самоубійствомъ, если онъ неизлѣчимъ. Дома и въ бесѣдѣ съ хорошо знакомыми людьми онъ велъ себя исправно, но, выйдя на улицу, терялся, *боясь смотрѣть въ глаза другимъ*. Если кто-нибудь бросалъ на него взглядъ, онъ отворачивался, конфузился, краснѣлъ, откашливался, чтобы придать собѣ смѣлости, и въ этотъ моментъ ненавидѣлъ всѣхъ людей. Ему казалось, что всѣ на него смотрятъ особенно внимательно, и полагалъ даже, что къ нему относятся съ пренебреженіемъ за то, что у него такіе глаза. Онъ сознавалъ ненормальность своего состоянія, и его очень удручало, что *въ головѣ у него—все одна и та-же мысль о взглядѣ*. Условія домашней жизни были всегда хорошія, и съ этой стороны предрасполагающихъ къ болѣзни причинъ не усматривается. Самъ больной, описывая свое состояніе, говоритъ слѣдующее: «Я чувствую себя физически очень нормально. Моя болѣзнь основана на боязни показать себя такимъ, какой я на самомъ дѣлѣ есть. Вслѣдствіе этого я весьма мнителенъ. Поэтому я чувствую себя неловко въ обществѣ людей и стараюсь ихъ избѣгать. Сперва ничего особеннаго со мной не происходило, а также и общество людей меня не стѣсняло. Это было до 14 лѣтъ приблизительно, а потомъ, если кто-нибудь случайно заговаривалъ со мной, я краснѣлъ безъ всякой видимой причины (хотя зачатки этой болѣзни, навѣрно, существовали и раньше). Съ теченіемъ времени это вошло у меня въ привычку, и я краснѣлъ уже при приближеніи или въ одномъ присутствіи людей, и довольно сильно, что заставляло меня быть не особенно веселымъ, потому что это было весьма непріятно, тѣмъ болѣе, что я не могъ никакими силами побороть это чувство или какъ-нибудь отвлечься отъ мысли «покраснѣть». Я ходилъ, сгорбившись; видъ имѣлъ хмурый и на людей особенно смѣло не поглядывалъ. Все это длилось около 5 лѣтъ; особеннаго вниманія я на это не обращалъ, думая, что хуже сдѣлаться не можетъ. Но вдругъ въ одинъ прекрасный день (это было въ школѣ) я шелъ, потупивъ глаза, мимо одной группы учениковъ и *испугался ихъ взгляда*, что отразилось на моихъ-же глазахъ. *Съ тѣхъ поръ я уже не могъ переносить взгляда людей*. Это боязливое чувство я былъ уже не въ силахъ побороть и постоянно отвертывался отъ людей, дѣлая еще болѣе угрюмое лицо. Но эта болѣзнь такой не осталась и подверглась дальнѣйшей эволюціи. Сперва она не была особенно замѣтной для людей, но затѣмъ, какъ я убѣдился, въ $2^1/_2$ года она усилилась до того, что я уже не могъ ни съ какой стороны выносить взгляда, и одно присутствіе чужого человѣка заставляло мои глаза какъ то конвульсивно стягиваться и вообще непріятно отражаться на всемъ моемъ движеніи, что̀ еще сильнѣе заставляло меня уединяться,—тѣмъ болѣе, что за послѣднее время моя болѣзнь усилилась до того, что отъ меня начали откашливаться и отплевываться, а это удручало меня еще болѣе. Теперь я

чувствую себя вполнѣ разбитымъ, такъ какъ чувствую себя ни къ чему не способнымъ и не могу обращаться съ людьми, какъ нормальный человѣкъ. Остаются 2 исхода—полное излѣченіе или-же я долженъ сдѣлаться жертвой меланхоліи, и это еще—въ лучшемъ случаѣ. Причина болѣзни, на мой взглядъ, должна быть отнесена къ одинокому и мягкосердечному воспитанію и непониманію людей, но фактъ остается тотъ, что при такомъ моемъ состояніи жизнь немыслима, такъ какъ большая часть ея еще впереди и волей-неволей придется наложить на себя руки».

Осенью-же 1902 г. больной впервые явился ко мнѣ на пріемъ, гдѣ былъ мною гипнотизируемъ нѣсколько разъ, что дало временное облегченіе.

Онъ средняго роста, правильнаго сложенія, умѣреннаго питанія. Нѣсколько блѣдноватъ; кисти и стопы холодны, влажны и нѣсколько синюшны. На кожѣ явленія дермографизма. Костная и мышечная системы развиты хорошо; сложеніе соотвѣтствуетъ возрасту. Явныхъ органическихъ признаковъ вырожденія нѣтъ. Со стороны внутреннихъ органовъ ничего патологическаго. Правый зрачекъ чуть-чуть уже лѣваго; реакція зрачковъ и острота зрѣнія нормальны. Слухъ, вкусъ, обоняніе и всѣхъ родовъ кожная чувствительность безъ измѣненія. Со стороны позвоночника наблюдается легкая болѣзненность при постукиваніи грудной области. Кожные рефлексы безъ измѣненія; сухожильные колѣнные рѣзко выражены, ахилловы—средней силы, локтевые сгибательные и разгибательные и лопаточно-плечевой сохранены, челюстного рефлекса нѣтъ. Осанка сутуловатая. Взглядъ сумрачный; выраженіе лица угрюмое. Жесты угловатые. Иннервація лица правильная, но мимика вялая. Въ языкѣ фибриллярныя подергиванія. При стояніи съ закрытыми глазами наблюдается небольшое шатаніе тѣла. Сознаніе ясное; рѣчь послѣдовательная; содержаніе сознанія достаточно разнообразное; бреда и галлюцинацій нѣтъ. Говоритъ связно и отрывисто, но мало, при этомъ смотритъ всегда въ сторону.

Самъ больной характеризуетъ свою болѣзнь такъ: «Боязнь чужого взгляда появляется только въ томъ случаѣ, если на меня броситъ кто-нибудь свой взглядъ, котораго я не ожидалъ, или если я самъ на кого-нибудь взгляну. *Чужой взглядъ вызываетъ во мнѣ непріятное ощущеніе, которое выражается въ сильномъ и неудержимомъ стягиваніи вѣкъ и мышцъ глазного яблока и конвульсивныхъ передергиваніяхъ; глаза какъ-будто мутнѣютъ, ничего не воспринимаютъ; взоръ блуждаетъ какъ-то непріятно, какъ-бы стараешься на чемъ-нибудь сосредоточиться, но не имѣешь никакой возможности, потому что всецѣло завладѣваешься непріятнымъ чувствомъ, которое и придаетъ моему взгляду ужасное выраженіе.* Видъ у меня, по всей вѣроятности, дѣлается въ тотъ моментъ самый жалкій, но внушающій ни малѣйшаго уваженія, такъ какъ *я никому не могу*

прямо и спокойно смотрѣть въ глаза. Непріятное чувство вызывается какъ-бы инстинктивно, и, разъ запечатлѣвшись въ моемъ мозгу, оно постоянно вызывается при взглядѣ на другихъ людей. Отчасти тутъ, можетъ быть, играетъ роль мысль о непріятномъ чувствѣ или воспоминаніе».

Въ клиникѣ, куда больной поступилъ 28/x 1902 г., онъ первое время особенно сторонился всѣхъ, потомъ нѣсколько освоился, оставаясь все-же въ тяжеломъ удрученномъ состояніи. Часто онъ жаловался, что кто только ни взглянетъ на него, сейчасъ-же замѣчаетъ страшное лице и, конечно, не чувствуетъ къ нему никакого почтенія, а иногда даже отплевывается. Въ минуты удрученія онъ высказывался неоднократно, что, разъ на него плюютъ, то онъ того и стоитъ. До конца 1902 г. состояніе больного, не смотря на повторные сеансы гипноза и другіе способы лѣченія (ванны, бромиды и пр.), оставалось безъ измѣненія.

Въ теченіи 1903 г. болѣзнь протекала крайне однообразно. Больной продолжалъ избѣгать общества, прятался по угламъ, обѣдалъ и завтракалъ въ сторонѣ отъ другихъ, не находилъ себѣ дѣла, иногда читалъ, но больше ходилъ съ книгой въ рукахъ, пугливо озираясь. Чрезвычайно трудно было заставить его смотрѣть врачу въ глаза: онъ начиналъ испытывать безпокойство и тягостное чувство, блѣднѣлъ, зрачки расширялись, а голова невольно отворачивалась. По его словамъ, непріятное чувство начиналось въ подложечной области, а затѣмъ появлялись «приливы ко лбу». Вообще объясненіе своего душевнаго состоянія давалъ онъ очень неопредѣленное; иногда жаловался на головную боль. головокруженія и на то, что всѣ и все его раздражаютъ. Къ врачу онъ подходилъ неувѣренно, часто крадучись около стѣны и не глядя въ глаза и, видимо, собравшись съ духомъ. Если его заставали неожиданно, то онъ старался уйти, избѣгая вступать въ разговоръ и смотрѣть въ глаза. Иногда онъ обвинялъ себя въ томъ, что его взглядъ вызываетъ у другихъ людей наклонность къ кашлю, дѣйствующему на него непріятно, или порождаетъ въ окружающихъ необходимость избѣгать его общества. Иногда появлялось у него при ощущеніи на себѣ чужого взгляда «такое чувство, какъ будто сзади кто-то давитъ или подпираетъ снизу вверхъ». Гипнозу поддавался онъ далеко не всегда: бывало, что попытка усыпить вызывала въ немъ чрезвычайно сильное безпокойство и непріятное ощущеніе, и приходилось на нѣкоторое время прекращать сеансы. На лекціи 13/xii 1902 г. онъ объяснилъ, что можетъ заниматься спокойно только тогда, когда одинъ, въ присутствіи-же другихъ онъ не можетъ быть спокойнымъ, *постоянно поджидаетъ чужого взгляда, испытывая вслѣдствіе этого постоянно тяжелое состояніе.* Въ 1904 г. до дня выписки, 16/iv, существеннаго улучшенія въ состояніи болѣзни А. В. не произошло, но все-же онъ могъ легче переносить чужой взглядъ. Умственныя способности оставались безъ измѣненія; боязнь взгляда держалась упорно; бреда и гал-

люцинацій, какъ и раньше, не наблюдалось. Поведеніе его было всегда тихое и приличное, и, если-бы онъ не смущался чужого взгляда, онъ могъ-бы считаться вполнѣ здоровымъ. Временами, глядя въ сторону, больной обращался къ врачу съ видимымъ усиліемъ съ вопросомъ, въ которомъ сквозила нота отчаянія. «Что-же дѣлать наконецъ? Надо-же что нибудь предпринять?» Физически онъ оставался все время крѣпкимъ, хотя и нѣсколько блѣднымъ. Изъ клиники выписанъ для продолженія лѣченія въ условіяхъ деревенской жизни, гдѣ онъ не безпокоился-бы обществомъ людей.

Въ приведенномъ наблюденіи мы имѣемъ больного съ яснымъ нейропатическимъ предрасположеніемъ, у котораго уже съ 14—15-лѣтняго возраста начала постепенно развиваться боязнь покраснѣть, а затѣмъ присоединилась боязнь чужого взгляда, которая постепенно усиливалась и привела къ невозможности продолжать учебныя занятія въ университетѣ, сдѣлавшись упорнымъ и мучительнымъ для больного страданіемъ, не оставляющимъ его уже въ теченіи многихъ лѣтъ, при чемъ оно начало создавать почву для развитія бреда преслѣдованія. Больному стало казаться, что отъ него откашливаются и отплевываются, хотя ясно выраженныхъ бредовыхъ идей въ этомъ направленіи онъ и не выработалъ до самаго послѣдняго времени. Что касается психологической основы боязни чужого взгляда въ данномъ случаѣ, то дѣло, очевидно, здѣсь идетъ объ особомъ навязчивомъ состояніи, выражающемся тѣмъ, что больной при смотрѣніи на него всецѣло «завладѣвается непріятнымъ чувствомъ», послѣднее-же придаетъ его взгляду «ужасное выраженіе», которое, будто-бы, замѣчается и другими.

Другой больной, студентъ-медикъ, 21 г., представлялъ одновременно явленія психопатическаго мочеиспусканія въ рѣзко выраженной формѣ и боязнь чужого взгляда, развившіяся на почвѣ тяжкаго предрасположенія.

Средняго роста и сложенія. Съ 12—13 лѣтъ началъ испытывать вышеуказанное психопатическое мочеиспусканіе. Въ настоящее время, почти никакихъ нейрастеническихъ признаковъ нѣтъ, прежде-же были припадки меланхоліи. *Не можетъ переносить чужого взгляда.* Въ темнотѣ ничего не замѣчается, а при освѣщеніи тотчасъ-же начинается смущеніе и больной отворачивается, но это зависитъ отъ настроенія, отъ неправильнаго, нерегулярнаго образа жизни.

Самъ больной передаетъ о своемъ состоянія слѣдующее: «Отецъ мой—полный человѣкъ, съ ясно выраженной наклонностью къ ожирѣнію. До 20-лѣтняго возраста онъ страдалъ золотухой, такъ что одна бровь у него отъ этого изуродована. Въ преклонныхъ лѣтахъ онъ страдалъ расширеніемъ венъ на ногѣ. Умеръ онъ на 63-мъ году отъ рака языка. Характера былъ вспыльчиваго, но добродушнаго, сообщительнаго и слабовольнаго. Мать до преклоннаго возраста отличалась крѣпкимъ здоровьемъ. Теперь организмъ ея расшатанъ, вслѣдствіе легочныхъ страданій. Насъ всѣхъ 5 братьевъ и 3 сестры. Одинъ изъ братьевъ (старшій) болѣлъ чахоткой, но потомъ выздоровѣлъ. Послѣ этой болѣзни у него, однако, осталась ясно выраженная неврастенія. Остальные братья и сестры совершенно здоровы.

Родился я въ 1882 г. Будучи ребенкомъ, болѣлъ скарлатиной, корью и золотухой, отъ которой не осталось ни малѣйшаго слѣда. Въ общемъ былъ совершенно здоровъ. На 5-мъ году послѣ сильнаго испуга началъ заикаться. Заиканіе осталось и до сихъ поръ. Особенно сильно выступаетъ этотъ недостатокъ при смущеніи и иногда доходитъ до полной невозможности понятной рѣчи. Особенно труденъ для произношенія слогъ «кр» и «цр» и вообще всѣ слова съ буквой «р». Насколько потеряна воля въ управленіи рѣчью, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что даже мысль сказать публично или въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ какую-нибудь фразу приводитъ меня въ содроганіе и въ смущеніе. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ заиканіе проявляется не сильно, а иногда оно и совершенно незамѣтно. Часто оно маскируется жестами рукъ и даже тѣла. Вообще рѣчь моя носитъ чрезвычайно ненормальный характеръ.

Съ 12-ти лѣтъ пошелъ рядъ легочныхъ заболѣваній. До 18 лѣтъ каждый годъ весной или осенью болѣлъ то плейритомъ, то воспаленіемъ легкихъ. Теперь, повидимому, въ этой области большое прогрессивное улучшеніе. Вслѣдствіе неправильнаго воспитанія, весьма раннее развитіе полового чувства. На 13-мъ году былъ наученъ заниматься онанизмомъ; весьма усиленно занимался имъ 2 года, потомъ все рѣже и рѣже, съ промежутками, и, наконецъ, къ 18 лѣтъ привычка была оставлена; послѣ были единичныя попытки къ рукоблудію, но теперь онанизмъ совершенно оставленъ. Половое чувство теперь почти нормально, если не считать иногда бурныхъ приступовъ полового стремленія. Во время такихъ приступовъ яички набухаютъ. Лѣвая сторона мошонки тоже набухаетъ (varicocele). Удовлетвореніе (coitus) обыкновенно прекращаетъ эти бурные припадки. Одна изъ непріятныхъ неправильностей со стороны мочеполовыхъ органовъ, это—невозможность произвольнаго мочеиспусканія въ присутствіи постороннихъ лицъ (при смущеніи). При первыхъ совокупленіяхъ—половая неспособность, теперь-же половой актъ выполняется нормально. Изъ физическихъ аномалій въ этой сферѣ—непропорціональность полового члена

по отношенію къ яичкамъ: половой членъ больше нормальнаго. Небольшая незалупа. 2 раза былъ перелой; въ послѣдній разъ онъ перешелъ въ хроническую форму (лѣченіе его длится до сихъ поръ). Другое страданіе нервной системы—слабость зрѣнія; слабость глазныхъ мышцъ при сильномъ свѣтѣ. Вылѣзаніе волосъ спереди (началось съ 17 лѣтъ и до сихъ поръ все увеличивается). Со стороны психики можно указать на слѣдующее: любовь ко всему мрачному и таинственному, постоянство въ характерѣ и работахъ и рядомъ съ этимъ нерѣшительность и мягкосердечіе. Самолюбіе развито до болѣзненности. Стремленіе къ одиночеству и замкнутости. Страстная любовь къ перемѣнѣ мѣста. Любовь къ поѣздкамъ и къ путешествіямъ всякаго рода.

Начало возникновенія моей болѣзни я точно опредѣлить не могу. Могу только сказать, что, когда я былъ еще въ младшемъ классѣ средняго учебнаго заведенія (значитъ, лѣтъ 12—13-ти), у меня уже появилось стремленіе удаляться отъ постороннихъ при мочеиспусканіи. Не придавая этому особаго значенія, а, самое главное, не зная къ кому обратиться, я далъ возможность этой привычкѣ пустить глубокіе корни, такъ что сейчасъ я даже не представляю себѣ, какъ это можно мочиться при другихъ, когда взоры постороннихъ устремлены на меня. Надо замѣтить, что эти припадки задержки мочеиспусканія появились раньше, чѣмъ я началъ заниматься онанизмомъ. Чтобы нагляднѣе представить мое психическое состояніе во время этихъ припадковъ, приведу нѣсколько различныхъ случаевъ. Если мнѣ приходится гулять съ близкими знакомыми или съ братомъ и при этомъ является надобность помочиться, то я обыкновенно мочусь нормально, но обязательно отвернувшись. Если впереди меня стоялъ-бы кто-нибудь и смотрѣлъ-бы, я этого сдѣлать-бы не могъ. Темнота обыкновенно—самое благопріятное условіе для мочеиспусканія, наоборотъ, сильный свѣтъ задерживаетъ его. Въ общественномъ мѣстѣ, напр., въ театрѣ, когда видишь толпу людей, хотя и совершенно-незнакомыхъ, но стоящихъ около, при малѣйшемъ волненіи наступаетъ полная задержка мочеиспусканія, какъ-бы сильно ни хотѣлось мочиться. Въ такомъ положеніи я былъ разъ 18; изъ нихъ лишь 1 разъ задержки не было.

Когда я прихожу въ ватеръ-клозетъ съ намѣреніемъ помочиться и только-что хочу сдѣлать это, какъ вдругъ услышу шаги человѣка, яко-бы идущаго въ ватеръ-клозетъ, мочеиспусканіе въ этомъ случаѣ становится уже невозможнымъ; между тѣмъ, какъ только шаги затихнутъ, я спокойно начинаю мочиться. Если у доктора мнѣ надо помочиться для полученія мочи, я напрягаю всѣ мышцы, стараюсь скорѣе произвести мочеиспусканіе, но не могу; колѣни начинаютъ при этомъ дрожать; мысль, что думаетъ объ этомъ докторъ, и его ожиданіе еще болѣе усиливаютъ мое смущеніе, и мочеиспусканіе становится невозможнымъ; если докторъ уйдетъ, то обыкновенно мочеиспусканіе становится

возможнымъ; одинъ только разъ я ни при какихъ условіяхъ не могъ помочиться. Полное-же одиночество, при какомъ угодно смущеніи и волненіи, вполнѣ достаточное условіе для свободнаго мочеиспусканія.

Совершенную аналогію мочеиспусканію представляютъ неправильность въ отправленіяхъ глазъ.

Что касается развитія этой болѣзни, то можно сказать, что она появилась лѣтъ съ 13—14 ти, рядомъ съ онанизмомъ. Можно даже сказать, что рѣзкость болѣзни находилась въ прямой связи съ онанизмомъ: чѣмъ чаще происходило занятіе рукоблудіемъ, тѣмъ сильнѣе давала себя чувствовать болѣзнь, и наоборотъ. Я припоминаю, что, когда кто-нибудь пристально смотрѣлъ, на меня и, какъ мнѣ тогда казалось, будто бы догадывается о моей дурной привычкѣ, я смущенно отворачивался и слезы выступали у меня на глазахъ. *Я не могъ такимъ образомъ пристально смотрѣть въ глаза при яркомъ дневномъ освѣщеніи.* Теперь, когда я совершенно освободился отъ скверной привычки и уже почти забылъ о ней, слабость глазъ все-таки и по сію пору существуетъ, хотя, правда въ гораздо меньшей степени. 2 года назадъ, когда мнѣ пришлось сниматься у фотографа, ему стоило не малаго труда снять меня. *Когда мнѣ пришлось сидѣть прямо подъ дневнымъ свѣтомъ, лицо мое теряло свое обычное выраженіе и искажалось оттого, что я удерживалъ слезы.* При этомъ необходимо еще отмѣтить слѣдующее: когда я сидѣлъ противъ фотографическаго аппарата до съемки, лицо и глаза мои были напряжены болѣе или менѣе обыкновенно, но во время экспозиціи я мѣнялся въ лицѣ, на глазахъ показывались слезы, и лицо на карточкѣ искажалось. Если-бы мнѣ пришлось сниматься сейчасъ, безъ сомнѣнія, повторилось-бы то-же самое. Къ этому могу прибавить, что при дневномъ освѣщеніи эта аномалія выражается рѣзче, чѣмъ при вечернемъ. Когда слезы при какомъ-нибудь случаѣ выступаютъ у меня изъ глазъ, то обыкновенно давленіе руками на верхнюю часть лба уменьшаетъ или даже задерживаетъ слезотеченіе. Послѣ волненія слезотеченіе обыкновенно рѣзко усиливается. Въ глазахъ имѣется разница въ зрѣніи: однимъ лѣвымъ глазомъ я ни въ какомъ рѣшительно разстояніи не могу разобрать подробности предмета, напр., вижу строчки, но не могу разобрать буквъ (даже крупныхъ)».

При объективномъ изслѣдованіи никакихъ особенныхъ измѣненій со стороны отправленій нервной системы и внутреннихъ органовъ не обнаружено. Чувствительность и органы движенія безъ измѣненій. Колѣнные рефлексы нормальны. Пульсъ и дыханіе безъ измѣненій.

Въ этомъ случаѣ характерно, что больной отмѣчаетъ связь боязни чужого взгляда съ онанизмомъ: «чѣмъ чаще

происходило занятіе рукоблудіемъ, тѣмъ сильнѣе давала себя чувствовать болѣзнь, и наоборотъ». Больной, кромѣ того, поясняетъ, что, когда кто нибудь пристально смотрѣлъ на него, то ему казалось, что какъ-будто догадываются о его привычкѣ и онъ въ смущеніи отворачивался со слезами на глазахъ.

Слѣдующій случай боязни чужого взгляда принадлежитъ къ болѣе чистымъ наблюденіямъ этого рода.

Мать больной и 2 брата ея отца умерли въ чахоткѣ. Другихъ указаній на неблагопріятную наслѣдственность не имѣется. Больная—съ дѣтства нервная. Теперь ей 26 л. Съ прошлаго года она стала страдать боязнью чужого взгляда. Сначала она воображала, что ее могутъ признать за сумасшедшую, а затѣмъ стала думать, что ее по ея глазамъ могутъ принять за женщину дурного поведенія. Обратившись ко мнѣ за совѣтомъ, она передала мнѣ записку для прочтенія слѣдующаго содержанія.

«Я рѣшила написать, что со мной; иначе я рискую ничего не сказать. *Я одержима мыслью, что я не могу смотрѣть людямъ*, главнымъ образомъ мужчинамъ, *въ глаза*, что у меня тогда дѣлается нечистое выраженіе и я, дѣйствительно, чувствую, что оно такимъ дѣлается, когда я на нихъ смотрю. На улицѣ, въ вагонѣ, въ магазинахъ, гдѣ-бы я ни была, стоитъ мнѣ только подумать, что я такъ смотрю и что у меня такое лицо,—а послѣднее время эта мысль у меня одна въ головѣ,—какъ мое лицо такимъ и дѣлается; я не въ силахъ теперь развлечь себя и думать о чемъ-нибудь другомъ, какъ это я могла дѣлать раньше. Порядочные люди дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ этого и стараются не смотрѣть на меня; другіе-же продолжаютъ смотрѣть, какъ смотрятъ на потерянныхъ... Если-же я избѣгаю встрѣчаться съ ними глазами, у меня дѣлается боязливое лицо съ оттянутыми углами рта и съ бѣглыми, робкими взглядами, съ цѣлью убѣдиться, не смотрятъ-ли они на меня,—такое лицо, что люди, даже мелькомъ взглянувъ на него, невольно обратятъ на меня вниманіе. Выносить эту муку у меня не хватаетъ силъ, и, если я не поправлюсь, я должна буду умереть.

Началось это у меня съ прошлаго лѣта; но сначала мысль эта касалась одного только человѣка; при видѣ другихъ людей она мнѣ не приходила въ голову. Съ осени до апрѣля я каждую недѣлю ѣздила изъ Петербурга въ Петергофъ на уроки; приходилось поздно возвращаться въ конкахъ отъ Балтійскаго вокзала по Обводному каналу и на Пески. Въ этихъ конкахъ, особенно вечеромъ, публика бываетъ самаго послѣдняго разряда и эти поѣздки ухудшили мое состояніе: мнѣ приходилось встрѣчаться, дѣйствительно, съ наглыми физіономіями, и я еще болѣе укрѣпилась въ мысли, что бываю похожа на потерянную

женщину. Боже, что я пишу! Только одна бумага можетъ снести это; говорить-бы я была не въ силахъ. Я хотѣла обратиться къ доктору, но не могла рѣшиться, при томъ-же я надѣялась, что лѣтомъ я разсѣюсь и все пройдетъ; лѣто-же я провела при такихъ условіяхъ, что не только не излѣчилась, но мнѣ стало еще хуже. Въ тоже время я должна сказать, что я сама не въ силахъ себя разсѣять, но что-нибудь явившееся съ внѣшней стороны, какой-нибудь интересный и даже неинтересный разговоръ, къ которому я могу прислушаться, какой-нибудь видъ или картина могутъ отвлечь меня отъ моей мысли. Когда я остаюсь дома, я спокойно читаю и потомъ, оторвавшись отъ книги и вспомнивъ, чѣмъ я тягощусь, я говорю, что со мной? Что за вздоръ? Ничего этого нѣтъ! Словомъ, забываю; но, стоитъ мнѣ только услышать въ кухнѣ голосъ, хотя-бы дворника, и, если при этомъ есть кто нибудь со мной въ комнатѣ, я мгновенно мѣняюсь въ лицѣ.

Теперь я на курсахъ при Красномъ Крестѣ, на 2-мъ курсѣ (практическій). На-дняхъ тамъ, вѣроятно, начались уже занятія, и я должна явиться. Меня беретъ ужасъ, что съ такимъ лицомъ я должна встрѣтиться съ докторами, больными, особенно съ мужчинами, съ сокурсницами и вообще съ людьми и должна нанимать комнату. Послѣ моего возвращенія съ лѣта я 3½ недѣли просидѣла дома, не выходя на улицу; я ждала какого-то чуда; ждала, что я поправлюсь, когда переѣду въ новую комнату, узнаю на курсахъ про занятія, что все это меня такъ захватитъ, что я разсѣюсь и все пройдетъ; но, вмѣсто того, оба раза, какъ я ѣздила, я возвращалась изнеможенною, какъ послѣ какой-нибудь пытки, и съ рѣшеніемъ дождаться первыхъ морозовъ, когда я могу простудиться и умереть. Прежде всего я должна бѣжать изъ этой обстановки, которая меня окружаетъ; она—такого рода, что и здоровый человѣкъ могъ-бы рехнуться. Если я не буду въ силахъ продолжать курсы и останусь здѣсь, я должна буду всю зиму жить безъ живого слова, безъ мысли, безъ дѣла, оставаясь всегда одной; я живу съ мамкой и ея сестрой, и у насъ никто не бываетъ. Что за ужасъ цѣлыми недѣлями сидѣть въ комнатѣ, не рискуя даже выходить на улицу, такъ какъ здѣсь всѣ меня знаютъ, и не видѣть передъ собой ничего, никакой цѣли?! Мнѣ надо, чтобы я не только могла смотрѣть на всѣхъ, какъ на стѣну, но чтобы даже мысль, что я могу смотрѣть иначе, не могла придти мнѣ въ голову. Я и раньше вбивала себѣ въ голову разныя мысли. Одинъ разъ еще въ институтѣ я внушила себѣ, что виновата въ одномъ проступкѣ, подозрѣніе на который тяготѣло на 70 чел., и мучилась страшно, что не признаюсь. Дѣло шло о карикатурѣ на одно изъ начальствующихъ лицъ, и я даже не знала сначала, гдѣ и въ какомъ видѣ она нарисована, но, какъ узнавала новыя подробности, убѣждалась, что это сдѣлала я и только тогда успокоилась, когда виновная призналась. Другой разъ мои idées fixes каса-

лись религіи и доставили мнѣ также много муки. Было и такое время, что мнѣ стоило только подумать, что я сейчасъ покраснѣю, какъ я тотчасъ же краснѣла при всякой удобной и неудобной минутѣ. Бывало еще, что я краснѣла каждый разъ, какъ только входила въ комнату; это продолжалось съ перерывами года 4, при чемъ у насъ перемѣнилось 3 прислуги.

Я всегда была очень мнительна и застѣнчива. Жизнь моя съ самаго выпуска сложилась очень печально. Съ домашними у меня были постоянныя непріятности. Сначала я усиленно занималась музыкой, затѣмъ не имѣла опредѣленныхъ занятій. И то, и другое, и третье сильно разстроило мои нервы; у меня болѣла спина; были постоянныя головныя боли; появились fleurs blanches и глисты; это меня страшно мучило, и я почти не могла спать. Слѣдствіемъ этихъ мученій явилось еще болѣе сильное разстройство нервовъ и разрушенная дѣвственная плева. Послѣдніе 2 года у меня бывало сжатіе горла, при чемъ пища попадала въ носъ; появились икота, адскія головныя боли и запоры. Спала я до послѣдняго времени прекрасно. Въ физическомъ отношеніи почти всегда чувствую себя хорошо».

На счетъ состоянія своей половой сферы въ другой запискѣ больная продолжаетъ: «Когда я въ первый разъ обратилась съ моимъ нездоровьемъ къ докторамъ, они велѣли мнѣ лечь и смотрѣли меня, прописали мыться танниномъ и дѣлать каждый день клизмы отъ глистовъ. Клизмъ этихъ я ни разу не дѣлала, но мнѣ стало лучше. Съ осени опять было нехорошо, но докторша моя расхворалась сама, а къ другимъ я не обращалась. Такъ прошло почти 3 года; въ продолженіи ихъ у меня бывалъ временами, осенью и зимой, невыносимый зудъ и жженіе, но докторша меня предупреждала, чтобы я, насколько могу, старалась не тереть себя, и я этого избѣгала, но, что это могло быть во снѣ, за это не ручаюсь. Въ 3-ью зиму мнѣ опять стало очень нехорошо; я отъ всего уставала; подъ глазами были громадные синяки; развились сильныя головныя боли и сильнѣйшіе запоры. Осенью я опять пошла къ докторшѣ, на этотъ разъ уже къ другой. Она мнѣ дѣлала прижиганія и при этомъ спросила: дѣвушка я или женщина? Я не знаю, какъ свидѣтельствуютъ, но, если этого ей было достаточно, она свидѣтельствовала.

Этой зимой мнѣ пришлось слышать объ онанизмѣ, и я въ общихъ чертахъ знаю, что это такое, и могу сказать, что я никогда этого не дѣлала. Меня одна медичка спрашивала, не бываетъ-ли со мной такъ, что человѣкъ чувствуетъ, что у него все горитъ—животъ, руки, грудь, онъ задыхается почти и не можетъ спать (это значило-бы, что дѣло переходитъ на физическую почву)? Но этого со мной никогда еще не бывало, и я сплю, какъ младенецъ, и даже сновъ почти не вижу. Но одинъ разъ во мнѣ что-то шевельнулось (я думаю, что это Вамъ надо знать и буду говорить до конца, хоть и боюсь злоупотребить Вашимъ терпѣніемъ). Прошлымъ лѣтомъ, но еще до того, какъ началось мое

теперешнее состоянiе, въ iюнѣ, часовъ въ 10 веч., одинъ почтенный отецъ семейства, умершая дочь котораго была-бы теперь старше меня, провожалъ меня черезъ паркъ домой. Онъ заставилъ меня взять его подъ руку. Послѣ незначительнаго разговора о постороннихъ вещахъ, онъ вдругъ спросилъ меня, могла-ли-бы я полюбить несвободнаго человѣка и жить съ нимъ? Я отвѣтила, что нѣтъ—потому-то, потому и потому. Онъ много возражалъ на эту тему и потомъ говоритъ: А если-бы Вамъ постоянно говорили слова любви? (Какъ пошло, не правда-ли!) Я отвѣтила, смѣясь: Я-бы сказала: «Не искушай меня безъ нужды»! Тогда онъ сталъ напѣвать этотъ романсъ и еще изъ Фауста, при чемъ прижимался ко мнѣ все время и заглядывалъ въ лицо. Я видѣла, что съ нимъ, что-то дѣлается необыкновенное (и во мнѣ что-то шевельнулось), и тотчасъ-же я бросила его руку, какъ-бы затѣмъ, чтобы сорвать цвѣтокъ, и такъ мы дошли домой. Ни до этого, ни послѣ съ тѣхъ поръ со мной этого не повторялось. Человѣкъ этотъ зналъ моего отца, и я гожусь ему въ дочери. Я спросила его, сталъ-ли бы онъ спрашивать объ этихъ вещахъ свою 22-лѣтнюю дочь и зачѣмъ онъ со мной говоритъ объ этомъ? Меня онъ знаетъ чуть-ли не съ 5 лѣтъ!»

Сообщаемыя въ запискѣ больной данныя слѣдуетъ пополнить еще тѣмъ, что мучительное состоянiе ея исчезаетъ, если она находится въ темнотѣ. Равнымъ образомъ она чувствуетъ себя лучше, если другiе заняты разговоромъ и, если она убѣждена, что на нее не смотрятъ и вообще не обращаютъ на нее вниманiя. Если сама больная чѣмъ-нибудь поглощена, она можетъ даже смотрѣть другимъ въ глаза, чего при другихъ условiяхъ никогда сдѣлать не можетъ. Изслѣдованiе сердечной дѣятельности не обнаружило у больной ничего ненормальнаго. Колѣнные рефлексы оказались нѣсколько повышенными. Въ остальномъ—ничего патологическаго.

По отношенiю къ психологической природѣ боязни чужого взгляда въ данномъ случаѣ необходимо замѣтить, что, хотя у больной задатки болѣзни были и раньше, но послѣднiй инцидентъ, о которомъ она передаетъ въ своей запискѣ, несомнѣнно, съигралъ извѣстную роль въ ея болѣзненномъ состоянiи, и очевидно, благодаря ему, у нея явилась мысль и развилось ощущенiе, что при смотрѣнiи на нее другихъ въ ея глазахъ дѣлается нечистое выраженiе.

Приведу еще одинъ случай боязни чужого взгляда, существовавшей у больного въ теченiи извѣстнаго времени и затѣмъ исчезнувшей.

С., 31 г., женатъ около 3½ мѣс. Отецъ и мать его умерли давно отъ неизвѣстныхъ для него причинъ; отецъ отличался

нервностью и выпивалъ; сестры—малокровныя и нервныя. Самъ больной нервностью отличался давно, но съ пріобрѣтеніемъ сифилиса лѣтъ 9 тому назадъ нервность его увеличивалась еще болѣе. Лѣтъ 12 назадъ больной началъ пить преимущественно пиво и выпивалъ его бутылокъ 5 ежедневно, а иногда при большихъ кутежахъ даже до 20 бутылокъ. Года 2 назадъ пьянство было остановлено и теперь больной ведетъ вполнѣ трезвую жизнь. Одно время, лѣтъ 12 назадъ, больной занимался онанизмомъ, но не долго, не болѣе года, послѣ чего перешелъ къ нормальнымъ половымъ отправленіямъ, которыя совершались обыкновенно послѣ большихъ попоекъ. Вскорѣ послѣ того, какъ заразился сифилисомъ, лѣтъ 6 назадъ, у него начала развиваться половая слабость, которая съ теченіемъ времени постепенно стала увеличиваться. Со времени онанизма у больного начала обнаруживаться боязнь чужого взгляда, которая еще болѣе усилилась вмѣстѣ съ исчезаніемъ развитія половой слабости. *Больной испытывалъ необычайную неловкость, когда на него смотрѣли*. Онъ не можетъ дать яснаго отчета о причинѣ этой неловкости, но полагаетъ, что *чужой взглядъ дѣйствовалъ на него какъ-бы непосредственно самъ по себѣ, хотя въ тоже время ему казалось, что по глазамъ его могутъ узнать, что онъ—импотентъ*. Вслѣдствіе этого особенно, онъ испытывалъ мучительное состояніе при взглядѣ другихъ послѣ попоекъ, сопровождавшихся мало удачными половыми сношеніями, и еще въ большей мѣрѣ испытывалъ мученія въ присутствіи дамскаго общества. Малѣйшій намекъ на то, что на него смотрятъ, вызывалъ у него общее чувство неловкости, сердцебіеніе, ощущеніе жара въ лицѣ и приливъ крови къ головѣ. Въ одиночествѣ больной, между тѣмъ, чувствовалъ себя хорошо. Все это заставило его усиленно лѣчиться отъ половой слабости, которая, благодаря лѣченію, постепенно стала проходить, и уже 3½ мѣсяца назадъ больной, согласно разрѣшенію врачей, могъ жениться. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ стала проходить половая слабость, его стала покидать и боязнь чужого взгляда, которая уже послѣдній годъ—1½ не обнаруживается вовсе.

Больной—средняго роста, умѣреннаго сложенія, питанія удовлетворительнаго. Въ физическомъ отношеніи не представляетъ вообще никакихъ существенныхъ отклоненій отъ нормы, если не принимать во вниманіе обычныхъ послѣдствій бывшихъ алкогольныхъ излишествъ.

Въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ очевидно связь болѣзненнаго состоянія въ видѣ боязни чужого взгляда съ нарушеніями въ дѣятельности половой сферы, при чемъ боязнь эта кромѣ непосредственнаго, т. е. безотчетнаго вліянія чужого взгляда, въ основѣ своей имѣла смутное предположеніе, что по глазамъ могутъ быть открыты недостатки его половой дѣятельности.

Въ дополненіе къ этимъ случаямъ я могу привести еще очень характерное описаніе субъективнаго состоянія больной, страдавшей боязнью чужого взгляда, которое я позволю себѣ извлечь изъ ея письма, адрессованнаго ко мнѣ изъ Венгріи, вскорѣ послѣ напечатанія моей первой работы о боязни чужого взгляда на нѣмецкомъ языкѣ.

«Въ одномъ Pest'скомъ журналѣ сегодня появилась статья о Вашемъ сочиненіи: «О боязни взгляда». Эти строки такъ наэлектризовали меня, что я рѣшилась письменно обратиться къ Вамъ изъ этой дали. Прежде всякаго введенія я прошу извиненія за мою смѣлость; но я надѣюсь найти этимъ путь для выхода изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ я нахожусь. Вы догадываетесь, г. профессоръ, что я представляю собою то несчастное существо, которое Вы представили въ своемъ описаніи.

Въ каждомъ и чрезъ каждое изъ Вашихъ словъ я чувствую самое себя, какъ будто-бы всѣ эти испытанія Вы прочитали въ моемъ сердцѣ и въ моей душѣ. Только описаніе Ваше не даетъ мнѣ разрѣшенія вопроса—излѣчимо-ли это всю жизнь отравляющее и мучительное состояніе или нѣтъ? Это — тотъ жизненный вопросъ, который для меня важнѣе всего въ отношеніи этой психологической загадочной болѣзненной формы, достигшей у меня высшаго развитія.

Тѣломъ я совершенно здорова. Наружный видъ у меня такой цвѣтущій, что, хотя мнѣ 34 года, но всѣ всегда даютъ мнѣ по виду 10-ью годами меньше, и, не смотря на все это, я душевно такъ больна, что уже много лѣтъ чувствую отвращеніе къ жизни. «Я одна съ печальнымъ сердцемъ должна смотрѣть на то, какъ всѣ люди наслаждаются жизнью, навѣщаютъ другъ друга и, живя въ обществѣ съ другими, счастливо проводятъ время. Я одна только должна въ одиночествѣ печалиться!»—Могу я воскликнуть вмѣстѣ съ Кассандрой. *Съ чувствомъ сильнаго сердцебіенія и со страхомъ избѣгаю я всякаго ко мнѣ обращенія, всякой встрѣчи съ посторонними людьми, чтобы избѣгнуть опасности показаться смѣшной, вслѣдствіе этого страннаго, смущеннаго морганія вѣками и сопровождающаго его состоянія, когда краска на подобіе огненнаго жара, отпечатлѣвается на моемъ лицѣ*, а вызванное этимъ страданіе лишаетъ меня возможности дать какой-либо отвѣтъ. Вся нервная система у меня вибрируетъ и подвергаетъ меня въ этотъ моментъ невыразимому страданію. Послѣ минованія этой загадочной пытки наступаютъ грустные часы, которые дѣлаютъ меня невыразимо несчастной. Этимъ и объясняется мучительная заботливость, съ которой я избѣгаю всякой встрѣчи и всякаго разговора, и потому, вслѣдствіе удаленія изъ общества, къ чему, къ сожалѣнію, я сама стремлюсь, жизнь моя проходитъ такъ трагически.

Физически я совершенно здорова. У меня никогда не было

серьезныхъ болѣзней. Я всегда была веселой дѣвочкой, но уже въ старшемъ дѣтскомъ возрастѣ у меня начали показываться легкіе признаки этого страданія, которое затѣмъ мало по малу усилилось. У меня было 6 дѣтей. Профессора лѣчили меня электризаціей и магнетизированіемъ, но уже первый изъ этихъ опытовъ вызвалъ у меня сильные судорожные припадки смѣха и плача, которыхъ безъ этого никогда не было. Лѣкарства для меня были-бы излишни и безцѣльны, потому что, повторяю, физически я здорова. Глубокоуважаемый профессоръ! Умоляю Васъ дать мнѣ совѣтъ и помощь. Богъ Васъ благословитъ за это. Осчастливьте меня отвѣтомъ: можетъ быть, есть средства, дающія облегченіе. Я буду Вамъ вѣчно благодарна. Съ полнымъ почтеніемъ» и пр.

Приведенное описаніе передаетъ весь трагизмъ положенія больныхъ, страдающихъ боязнью чужого взгляда и врядъ-ли что-нибудь можно прибавить къ описанію того тягостнаго душевнаго состоянія, которое переживается этими больными при встрѣчѣ съ другими лицами.

Нѣтъ надобности пояснять, что больныхъ съ боязнью чужого взгляда, какъ я указывалъ уже въ своей первой работѣ, «можно узнать уже и безъ особыхъ заявленій съ ихъ стороны, такъ какъ часто они скрываютъ свои глаза подъ темными консервами; въ противномъ-же случаѣ при бесѣдѣ съ ними можно безъ труда замѣтить, что ихъ взоръ постоянно избѣгаетъ встрѣчи съ нашимъ взглядомъ» («Обозрѣніе психіатріи», 1900 г., стр. 497).

Что касается психологической основы боязни чужого взгляда, то, какъ указано мною въ той-же статьѣ, въ однихъ случаяхъ боязнь эта основывается иногда на предположеніи, что по виду глазъ, по самому взгляду ихъ можетъ быть узнано ненормальное состояніе больныхъ; въ другихъ-же случаяхъ боязнь чужого взгляда основывается на распространенномъ предразсудкѣ о возможности магнетическаго вліянія однихъ лицъ на другихъ, основанномъ частью на суевѣріяхъ относительно т. наз. «сглаза» или порчи отъ подобнаго взгляда. Въ этихъ случаяхъ дѣло идетъ какъ-бы о безотчетной или «инстинктивной», по выраженію больныхъ, боязни чужого взгляда, примѣромъ чего можетъ служить 1-ый изъ вышеописанныхъ больныхъ, опредѣляющій свое болѣзненное состояніе слѣдующими

словами: «Непріятное чувство при встрѣчѣ взглядовъ вызывается какъ-бы инстинктивно, и, разъ запечатлѣвшись въ моемъ мозгу, оно постоянно вызывается при взглядѣ на другихъ людей. Отчасти тутъ, можетъ быть, играетъ роль мысль о непріятномъ чувствѣ или воспоминаніе».

Такимъ образомъ въ описанномъ мною болѣзненномъ состояніи дѣло идетъ о навязчивомъ развитіи аффективнаго состоянія смущенія и боязни при смотрѣніи другихъ больному въ глаза, при чемъ это аффективное состояніе является или непосредственно при смотрѣніи больному въ глаза или-же, что̀ бываетъ, повидимому, чаще, путемъ возбужденія навязчивой мысли о возможности обнаружить по глазамъ больного его ненормальное состояніе (онанизмъ, половое безсиліе, нечистое выраженіе и т. п.). Въ этомъ нельзя не видѣть извѣстной аналогіи между разсматриваемымъ состояніемъ и боязнью покраснѣть», описанной почти одновременно мною [5]), *Pitres*'омъ и *Regis*'омъ [6]) и др., которая также, въ однихъ случаяхъ, является результатомъ первично появляющагося аффекта, въ другихъ-же возбуждается послѣдовательно, вслѣдъ за навязчивой идеей. Заслуживаетъ вниманія, что у многихъ больныхъ при постороннемъ взглядѣ появляются своеобразныя ощущенія непріятнаго характера въ области глазъ. Такъ, 1-ый изъ вышеописанныхъ больныхъ, описывая свое состояніе, говоритъ: «Чужой взглядъ вызываетъ во мнѣ непріятное ощущеніе, которое выражается въ сильномъ и неудержимомъ стягиваніи вѣкъ и мышцъ глазного яблока и конвульсивныхъ подергиваніяхъ; глаза какъ будто мутнѣютъ, ничего не воспринимаютъ; взоръ блуждаетъ какъ то непріятно, какъ-бы стараешься на чемъ-нибудь сосредоточиться, но не имѣешь никакой возможности, потому что всецѣло завладѣваешься непріятнымъ чувствомъ, которое и передаетъ моему взгляду ужасное выраженіе». Во 2-мъ случаѣ больной испытывалъ при соотвѣтствующихъ условіяхъ приливы слезъ къ глазамъ. Въ 3-мъ случаѣ «ощущалось» нечистое выраженіе, а въ 4-мъ больная въ письмѣ говоритъ о страшномъ, смущенномъ morганіи вѣками. Кромѣ того, у многихъ больныхъ появляется въ моментъ

встрѣчи чужого взгляда смущеніе, приводящее ихъ въ сильное душевное волненіе, вызывающее состояніе конфузливости и опущеніе взора, рядъ нервныхъ припадковъ общаго характера (напр., стѣсненіе дыханія, сердцебіеніе, блѣдность или красноту въ лицѣ, общій потъ, дрожаніе членовъ, спутанность мыслей). Заслуживаетъ вниманія, что при слабомъ освѣщеніи больные этого рода чувствуютъ себя лучше, чѣмъ при освѣщеніи болѣе сильномъ. Равнымъ образомъ они чувствуютъ себя лучше, когда окружающія лица отвлечены разговоромъ и когда они убѣждены, что на нихъ не обращаютъ вниманія. Нечего и говорить, что одиночество лучше всего обезпечиваетъ ихъ душевный покой.

Само собою разумѣется, что описанное состояніе является крайне мучительнымъ для больныхъ, какъ то доказываютъ и собственныя описанія больными ихъ болѣзненнаго состоянія, при чемъ оно почти совершенно лишаетъ ихъ общества себѣ подобныхъ, обрекая ихъ въ большей или меньшей мѣрѣ на тяжелое одиночество.

Большинство до сихъ поръ мнѣ извѣстныхъ случаевъ боязни чужого взгляда развивались на почвѣ неблагопріятнаго наслѣдственнаго отягченія и представляютъ такимъ образомъ состоянія, развивающіяся на почвѣ вырожденія. Изъ непосредственныхъ-же поводовъ можно отмѣтить различныя причины, но изъ нихъ онанизмъ и вообще недостатки половой сферы, повидимому, играютъ немаловажную роль—по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ рядѣ случаевъ.

Боязнь чужого взгляда можетъ сочетаться 1) съ боязнью покраснѣть, какъ это и наблюдалось въ моемъ 1-мъ случаѣ, 2) съ психопатическимъ затрудненіемъ мочеиспусканія (мой 2-ой случай), которому я посвятилъ въ свое время особую работу [7]), и съ навязчивой улыбкой, описанной мною въ 1899 г. въ «Обозрѣніи психіатріи» [8]), гдѣ приведено и соотвѣтствующее наблюденіе. Но въ иныхъ случаяхъ она встрѣчается въ болѣе или менѣе чистой формѣ, представляя собою особый видъ патологическаго страха.

Что касается терапіи, то во всѣхъ моихъ случаяхъ оказывало извѣстную пользу лѣченіе общее, содѣйствующее

успокоенію нервной системы [ванны, души, бромиды съ сердечными средствами и кодеиномъ въ предложенной мною смѣси для лѣченія падучей[9]*)] и соотвѣтствующее настойчивое лѣченіе внушеніемъ.

Руководясь своимъ опытомъ, я долженъ признать, что послѣднее слѣдуетъ испробовать во всѣхъ рѣшительно случаяхъ боязни чужого взгляда совмѣстно съ соматическимъ и гидротерапевтическимъ лѣченіемъ.

Литература. 1. *Hartenberg*. «Archives de neurologie», 1904 г., № 105, стр. 202.—2. *В. М. Бехтеревъ*. «Обозрѣніе психіатріи», 1899 г., стр. 449 и «Neurologisches Centralblatt», 1900 г.—3. *Онъ же*. «Обозрѣніе психіатріи», 1900 г., стр. 491 и «Centralblatt f. Nervenheilkunde u. Psychiatrie», 1902 г. стр. 160.—4. *Онъ-же*. См. отчетъ о занятіяхъ Отдѣла нервныхъ и душевныхъ болѣзней на IX Пироговскомъ Съѣздѣ *Б. С. Грейденберга* въ «Обозрѣніи психіатріи», 1904 г. № 2, стр. 147.—5. *Онъ-же*. «Обозрѣніе психіатріи», 1896 г. «Neurologisches Centralblatt», 1897 г.—6. *Pitrès* et *Regis*. Congrès des alienistes et neurologistes français. Nantes. 1896 г. «Archives de neurologie», 1897 г.—7. *В. М. Бехтеревъ*. О своеобразномъ психопатическомъ затрудненіи мочеиспусканія. «Обозрѣніе психіатріи», 1897 г. «Neurologisches Centralblatt», 1898 г.– Нейропатологическія и психіатрическія наблюденія. Петербургъ, 1900 г., стр. 195.—8. *Онъ-же*. О навязчивой улыбкѣ. «Обозрѣніе психіатріи», іюнь 1899 г. «Neurologisches Centralblatt», 1899 г.—9. *Онъ-же*. «Нейропатологическій Вѣстникъ», 1897 г. «Neurologisches Centralblatt» 1894 г. См. также «Обозрѣніе психіатріи» № 6, 1897 и «Neurologisches Centralblatt» 1898 г.

*) Смѣсь эта первоначально была предложена мною для лѣченія падучей, но, какъ я убѣдился впослѣдствіи, она является прекраснымъ успокоительнымъ средствомъ вообще при разнообразныхъ нервныхъ и психическихъ процессахъ съ состояніемъ возбужденія, въ особенности-же благотворно дѣйствуетъ при состояніяхъ неврастеническихъ.

Отд. оттискъ изъ «Русскаго Врача» № 3-го.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 февраля 1905 г.

Типографія Я. Трей, Разъѣзжая, 43.